
Час спустя

Цюй Дубянь покинул Астрологическое управление, сжимая в руках несколько листов бумаги.

Е Сяюань пребывал в полном смятении. Он никак не мог взять в толк, как его подопечному удалось всего за одну решённую задачу сократить дистанцию с Чжан Чаньсы от холодной вежливости до почти дружеского расположения.

Как только Дубянь недвусмысленно выразил свой интерес к математике, показатель благосклонности Чжан Чаньсы, до этого мучительно застрявший на отметке в семь баллов, совершил рывок и замер на одиннадцати. За столь короткое время — сразу четыре очка!

«Если бы сейчас был подходящий момент, я бы процитировал ей все „Девять глав искусства счёта“ от корки до корки. Вот тогда бы благосклонность взлетела сразу пунктов на тридцать-сорок», — размышлял Дубянь.

К счастью, он вовремя подавил это искушение, не желая прослыть в глазах окружающих маленьким монстром. Успех следовало закреплять постепенно.

На листах, что он уносил с собой, были задачи, оставленные ему Чжан Чаньсы. Дубянь решил, что займётся ими сразу после завершения церемонии в честь наложницы Юнь.

Когда они вернулись в чертоги дворца Цзычэнь, Е Сяюань вывел Вэнь Сяочуня наружу. Некоторое время оба молчали, не зная, с чего начать разговор.

— Это я не всё предусмотрел, — первым нарушил тишину Сяочунь. — Даю слово: впредь подобного не повторится.

Он произнёс это с предельной серьёзностью, явно проведя над собой работу над ошибками.

— И как же ты поступишь? — осведомился Сяюань.

— В следующий раз подложу под одежду побольше ваты, чтобы изменить очертания фигуры.

— В следующий раз сначала разузнай, чья сегодня смена, чтобы не столкнуться с патрулём нос к носу.

Ни один из них не заметил, что в их сознании мысли о «поджогах и убийствах» уже перешли в разряд обыденности. Они обсуждали не то, как избежать греха, а то, как качественнее замести

следы после мести, чтобы не подставить своего принца.

Е Сяююань глубоко вздохнул:

— Раз уж Его Высочество решил тебя защитить, я не стану больше ворчать. Главное, что всё закончилось благополучно. Затаись на время. Если увидишь патрульных, когда будешь на улице — опускай голову и обходи их стороной. А лучше и вовсе не выходи лишний раз.

— И что мне тогда делать? — упавшим голосом спросил Вэнь Сяочунь.

Сяююань на мгновение задумался.

— Выполняй за принца домашние задания, что даёт Великий наставник Фан. Заодно и почерк потренируешь. Его Высочество сейчас восстанавливает силы, ему вредно переутомляться. Если принц захочет писать сам — уступишь ему, а если нет — подложишь свои листки.

Ему давно казалось, что Дубянь учится весьма избирательно: он с жадностью впитывал новые слова и понятия, но к обязательным урокам великого наставника относился без всякого энтузиазма.

— Хорошо, — коротко кивнул Сяочунь.

Несколько дней спустя

Поместье Маркиза, Держащего Меч

Вести о Седьмом принце одна за другой долетали до родового гнезда семьи Сюй. Узнав, что с мальчиком всё в порядке и он почти оправился от недуга, старая госпожа Хоу наконец почувствовала, как тяжёлый камень свалился с её души.

— За завтрашнюю ритуальную трапезу отвечает Управление императорского стола, не так ли?

Второй младший брат маркиза, Сюй Цзяньян, ныне занимал пост главы этого управления. Должность была непыльной, скорее почетной синекурой для человека в годах, чей любимый сын к тому же раз за разом проваливал государственные экзамены.

Стоит отметить, что поместье маркиза и семья Сюй Цзяньяня из второго дома почти полностью прекратили общение после того, как Сюй Юэцин вошла во дворец в чине наложницы. Родственники лишь изредка обменивались дежурными визитами ради сохранения

видимости приличий.

— Да, матушка. Там уже вовсю кипит работа, — отозвалась мама Фан. — Говорят, они даже на Большую кухню посылали людей — разузнай о вкусах Седьмого принца. Для него отобрали продукты самого лучшего качества.

— Никак не успокоится, — холодно заметила старая госпожа. — Видят, что император начал привечать мальчика, вот и засуетились, пытаюсь примазаться. Все их интриги направлены против своих же близких, и при этом они поразительно глупы. Трапеза ведь ритуальная. Если они превысят установленные нормы роскоши, это только навредит принцу.

Она нахмурилась и отложила ножницы, которыми подрезала цветы.

— В третьем доме уже знают об этом?

— Разумеется, — подтвердила мама Фан.

Третий дом Сюй сильно отличался от второго. Если Сюй Цзяньянь после раздела имущества сохранил чиновничий пост, то ветвь Сюй-третьего и вовсе подалась в торговлю. Сам хозяин со своей супругой давно обосновались в уединенном горном храме, отделившись от мирской суеты. Сейчас делами в доме заправлял его второй сын, Сюй Тинфэн — двоюродный дядя Цюй Дубяня.

Когда-то Маркиз, Держащий Меч, растил Тинфэна как родного сына, даже брал с собой в Северные земли, на поля сражений. Однако спустя два года Сюй Тинфэн совершил тяжкий воинский проступок, за который полагалась суровая кара. В итоге он вернулся домой инвалидом — с искалеченными ногами и позором.

С тех пор Сюй Тинфэн замкнулся в себе. Он никогда больше не вспоминал об армии, оставил мысли о чиновничьей карьере и занялся купеческим делом, которое в кругах ученых мужей считалось низким и презренным.

Сейчас среди столичной знати ни для кого не было секретом: семья Сюй-третьего затаила глубокую обиду на маркиза за судьбу Тинфэна. Вот уже несколько лет они не переступали порог главного поместья.

— Как думаешь, — негромко спросила госпожа Хоу, — Тинфэн решит вмешаться в историю с ритуальной трапезой?

— Трудно сказать... Тинфэн-шао занимается торговлей. Разве он может как-то повлиять на дела Управления императорского стола?

Старая госпожа Хоу аккуратно поставила подрезанную ветку сливы в вазу с узким горлышком.

— Посмотрим, накажет ли на этот раз государь чиновников управления — тогда и узнаем.

Поместье Сюй. Третий дом

Над кухней поднимался легкий дымок. Сюй Тинфэн хлопотал у плиты, пока стоящий за его спиной слуга с беспокойством поглядывал на инвалидное кресло своего господина.

— Молодой господин, присядьте, отдохните. Позвольте нам самим всё сделать.

— Нет, так не пойдёт, — покачал головой Тинфэн.

Он собственноручно растёр зерно в муку и задумчиво потер её между пальцами. У него были выразительные, чуть раскосые глаза, которые при улыбке теряли всякую суровость — в такие моменты он казался скорее мягким ученым, нежели бывшим воином.

— Эта трапеза... она особенная.

— И в чем же её особенность? — не унимался слуга.

Сюй Тинфэн прищурился:

— Дети семьи Сюй, когда начинают есть самостоятельно, обязательно должны отведать одну старинную похлёбку, рецепт которой передается из поколения в поколение.

— Что же это за блюдо?

— Солёная похлёбка из пшеницы. И приготовить её должен обязательно кто-то из старших в роду, чтобы ребёнок получил благословение предков, — Тинфэн начал раскатывать тесто. — И я, и его мать ели её в детстве. Пусть он даже не знает истинного смысла этой традиции, он должен её попробовать.

Правда, Тинфэн немного изменил классический рецепт: непосвященный человек ни за что бы не догадался, что именно перед ним.

— Неужели во втором доме снова кто-то родился или празднует именины? — удивился слуга.

Тинфэн ничего не ответил. Он простоял у плиты до самого рассвета, сменив двух помощников, и лишь когда Солёная похлёбка из пшеницы была готова, переложил её в лакированный короб.

— Идём. Вези меня к задним воротам.

Колеса кресла негромко застучали по камням двора. Когда задняя дверь поместья открылась, за ней обнаружилась невзрачная карета. Услышав скрип петель, кто-то изнутри отодвинул занавеску и протянул руку. Сюй Тинфэн молча передал короб слуге, а тот — человеку в карете.

Ни кучер, ни пассажир не проронили ни слова. Как только короб оказался внутри, экипаж тут же тронулся с места.

Слуга в недоумении почесал затылок:

— Молодой господин, это был подарок?

— Вроде того. А что?

— Ну... просто вид у этой похлёбки... как бы это сказать... — слуга замялся, не решаясь подобрать слово.

Сюй Тинфэн усмехнулся:

— Ничего ты не понимаешь. Это называется — простота.

К тому же, если дело дойдет до наказания, палки точно не обрушатся на его спину. Он — всего лишь честный и законопослушный купец, какое ему дело до дворцовых тайн?

Зал Фэндэ

Церемония посмертного возведения в сан началась ровно в девять утра. День выдался именно таким, как предсказывала Чжан Чаньсы — ясным и погожим. Несмотря на зимнюю стужу, на небе не было ни облачка, лишь бескрайняя лазурь.

Как только музыканты Ведомства императорских жертвоприношений закончили играть, в зал вошла императрица в окружении наложниц. Лишь высокопоставленным дамам полагалось место на подушках-путуанях внутри храма, остальные же вынуждены были стоять снаружи на ледяном ветру, за крошечными столиками.

Цюй Дубянь встал сегодня ни свет ни заря. На нем было торжественное одеяние: белоснежное исподнее и черная верхняя мантия, расшитая шелком того же цвета. В лучах солнца на ткани проступали благородные очертания пионов.

Сейчас он стоял один у подножия высокой лестницы, ведущей к залу Фэндэ. По правилам, как единственный сын наложницы Юнь, он должен был проделать этот путь самостоятельно в знак глубочайшего почтения.

Император Чунчжао, видя, каким крошечным кажется черное пятнышко у подножия лестницы, невольно разволновался. Он вспомнил недавний жар мальчика, его бледность и все те странности, что принц вытворял во дворце Цзычэнь в последние дни. Его сердце тревожно сжалось.

«Сможет ли этот сорванец подняться сам?»

Внизу раздался зычный голос распорядителя из Министерства ритуалов:

— Час настал!

Цюй Дубянь обернулся и поймал на себе полный тревоги взгляд Вэнь Сяочуня. Мальчик ободряюще улыбнулся ему, а затем уверенно сделал первый шаг.

Ступенька за ступенькой. Для ребенка двух с небольшим лет эта лестница была подобна неприступной горе.

Многочисленные чиновники из министерств и ведомств, затаив дыхание, наблюдали за маленьким принцем, который когда-то был негласным запретом в этих стенах. Он шел медленно. Но поразительно твердо.

Казалось, он всем сердцем осознавал, насколько важен этот день для его матери. Он сосредоточил всё своё внимание на каждом движении, боясь оступиться или совершить ошибку — и это при том, что он никогда не знал материнской ласки. Эта детская серьезность заставляла сердца свидетелей сжиматься от щемящей тоски.

Чувства императора Чунчжао были не менее противоречивы. Когда «черный комочек» наконец преодолел последнюю ступень и замер перед ним, государь протянул руку и позволил мальчику ухватиться за свой широкий рукав.

— Ступай за Мной, — произнёс император Чунчжао.

Дубянь предпочел держаться за ткань — не потому, что не хотел взять отца за руку, а из-за разницы в росте: императору пришлось бы идти весь путь, согнувшись в три погибели.

Наложницы, сидевшие на подушках по обе стороны прохода, склонили головы. Войдя в зал, Дубянь опустился на колени перед своим путуанем и поднял глаза на поминальную табличку. На ней светились свежевырезанные иероглифы посмертного имени императрицы.

Император и императрица встали вместе. В руках государыни была бронзовая лампада с девятью фитилями. Чунчжао лично зажег огонь, и императрица вознесла лампаду над головой. Началось общее поклонение: все, кроме правящей четы, должны были совершить три земных поклона. Цюй Дубянь повторял все движения вслед за остальными.

Когда черед утомительных ритуалов подошла к концу, распорядитель провозгласил:

— Наступил полдень! Подать ритуальную трапезу!

Слуги внесли блюда, приготовленные в Управлении императорского стола, и расставили их перед присутствующими согласно рангам. Перед Цюй Дубянем тоже поставили поднос.

По обычаю он должен был съесть всё до последней крошки, и только после этого реликвия наложницы Юнь могла быть внесена в зал Фэндэ.

Дубянь вспомнил слова Е Сяюаня о том, что глава управления приходится ему двоюродным дедушкой. «Наверное, еда будет вкусной?» — с надеждой подумал он и открыл крышку короба.

Внутри оказалась лишь одна чаша с горячим варевом серо-желтого цвета, в котором плавали какие-то неопределенные куски.

«...»

Рука мальчика с ложкой мелко задрожала. Дубянь впал в ступор. Он скользнул взглядом по столикам наложниц: их еда выглядела изысканно и красиво.

Е Сяюань, стоявший у стены, издали увидел содержимое чаши принца, и лицо его мгновенно потемнело.

«Как они посмели...»

Даже императрица и сидящие рядом знатные дамы в замешательстве переглянулись. Драгоценная наложница Лань бросила на чашу принца удивленный взгляд. Как-никак, он — принц крови, неужели глава Управления императорского стола настолько лишился рассудка, чтобы так открыто оскорблять его на глазах у всех? К тому же они родственники... В чем смысл такой выходки?

Императрица мягко заметила:

— Должно быть, в управлении что-то перепутали. Ваше Величество, может быть, стоит заменить блюдо? Ребёнку может стать плохо от такой пищи.

Чунчжао холодно отозвался:

— Каждое блюдо в ритуальной трапезе строго определено. Замена нарушит порядок. Пусть ест что дают.

Драгоценная наложница Лань едва заметно улыбнулась, а остальные придворные дамы многозначительно переглянулись. Похоже, император ценил Седьмого принца далеко не так высоко, как они предполагали. Те, кто ещё колебался, стоит ли брать мальчика под своё покровительство, окончательно утвердились в своих сомнениях. Зачем брать на воспитание принца, который вызывает лишь недовольство государя? Это может принести больше вреда, чем пользы.

Дубянь, набравшись храбрости, отхлебнул первую ложку.

«О?»

Он попробовал еще раз.

«Надо же, как вкусно!»

Выглядела похлёбка ужасно, но «непонятные куски» обладали тонким ароматом пшеницы, а кусочки рыбы, спрятанные внутри, были нежнейшими и буквально таяли во рту. Бульон был в меру соленым, с легкой кислинкой и идеальной температуры — он удивительным образом пробуждал аппетит.

Сидящая в следующем ряду наложница Сюань отложила палочки и негромко произнесла:

— Седьмой принц еще мал, ему необязательно съедать всё. Достаточно пары ложек.

Дубянь поднял чашу и с улыбкой ответил:

— Всё хорошо, матушка Сюань. Это очень вкусно!

Разумеется, это было вкусно. Это была та самая фамильная похлёбка семьи Сюй — Солёная похлёбка из пшеницы. Император Чунчжао узнал её сразу: когда-то давно, когда он был полон любопытства, наложница Юнь лично готовила её для него. Внешний вид блюда пугал, но вкус был превосходным, к тому же оно идеально подходило для детского желудка.

Государь смотрел на чашу, прищутив глаза и задумчиво потирая суставом указательного пальца нефритовый перстень на большом. Никто не знал, о чем он думает в этот миг. Но он видел, что в глазах чиновников, наложниц и даже Е Сяюаня его поступок выглядел проявлением жестокосердия.

«Как такая гадость может быть вкусной?» — думал Е Сяюань.

Е Сяюань кипел от негодования, но не смел проронить ни слова. Он лишь смотрел, как его маленький принц послушно, ложка за ложкой, доедает это сомнительное варево.

«В последние дни император был так добр к принцу, и Его Высочество начал тянуться к отцу. Раз Его Величество приказал — как же он может не съесть?»

Наложница Сюань тоже пребывала в раздумьях. Она пыталась понять: была ли та мимолетная нежность, что император проявил, забирая принца из её дворца, истинной, или же нынешнее холодное безразличие — его настоящее лицо?

В чаше было совсем немного, и Дубянь, закончив, с гордостью продемонстрировал пустое дно:

— Совсем чисто!

Он и понятия не имел, какие бури бушуют в душах окружающих. Увидев сияющие глаза младшего сына, император, уже привыкший за эти дни обедать в его компании, невольно обронил:

— Хорошо.

Вся эта драма «Холодный отец не сменил еду, а преданный сын съел всё ради похвалы» разыгралась лишь в воображении присутствующих — главные действующие лица о ней даже не догадывались.

Когда трапеза закончилась, слуги поднесли продолговатый футляр. Внутри лежал свернутый в свиток холст.

Чунчжао вынул его:

— Это одна из вещей твоей матери. К слову, она имеет прямое отношение к твоему имени.

Он развязал шелковые тесьмы и развернул картину.

На холсте была запечатлена бескрайняя пустыня, над которой поднимался одинокий дымок, и заходящее солнце, рдеющее, словно кровь. На крепостной стене пограничного города, спиной к зрителю, сидела женщина в простом зеленом платье с распущенными волосами. Вся её фигура, каждый выбившийся локон дышали ощущением свободы и бесшабашной радости.

Рядом была начертана строка: «За заставой холодно, летят дикие гуси, длинная песнь Цюй

Дубяня».

— Она сама принесла эту картину, — с ноткой грусти произнес император. — А эти строки она написала, когда носила тебя под сердцем. Отсюда и твое имя.

Пока государь предавался воспоминаниям, Дубянь затих. Он еще раз повторил про себя эти слова, и в его воображении возник образ женщины в зеленом, которая у окна в лучах заходящего солнца выводит эти иероглифы. О чем она думала в тот миг? О прошлом, в которое нет возврата? Или о холодном, но вольном ветре пограничья?

Этот дикий гусь, прилетевший из далеких земель в столицу, оказался заперт в золотой клетке императорского города и в ней же нашел свою погибель. Но для своего ребенка она желала только одного — свободы.

Одна картина. Одна строка. Любовь и надежда матери, которые она не успела выразить словами.

Слуги бережно свернули холст и передали его Дубяню. Мальчик сам положил свиток в предназначенную для него нишу в зале Фэндэ, а затем совершил глубокий, полный почтения поклон.

Он не любил лишних сложностей, но был внимателен и суров к врагам. Раз уж он принял эту кровь, эту судьбу и ту любовь, что оставила ему наложница Юнь — он обязательно найдет истинного виновника её смерти.

Эту кровавую месть он берет на себя.

<http://bllate.org/book/16117/1588388>